

УДК 314.622.2-054.73(=511.111)(470.21)

Е.В. Бусырева

СУДЬБЫ РАСКУЛАЧЕННЫХ ИНГЕРМАНЛАНДСКИХ СЕМЕЙ (НА ПРИМЕРЕ МУРМАНСКОЙ ОБЛАСТИ)

Аннотация

В статье рассматривается история семей финнов-ингерманландцев, выселенных на территорию Мурманской области в 1930-е гг. в результате процесса раскулачивания. В основу исследования легли интервью, полученные у семи информантов, и их семейные архивы.

Ключевые слова:

семейная история, финны-ингерманландцы, коллективизация, спецпереселенцы, репрессии, депортация.

E.V. Busyрева

DESTINIES OF DISPOSSESSED INGRIDIAN FAMILIES (A CASE STUDY OF THE MURMANSK REGION)

Abstract

The article presents the history of ingrain families. These families were forcibly evicted to the territory of the Murmansk region in the thirties as a result of the process of dispossession. The article is based on interviews, obtained from seven informants and on their family archives. The article tells about the life of Ingridian families in the period of mass development of the Kola North, and about the deportation on ethnic principles in the forties.

Key words:

history of family, ingrian Finnish, collectivization, special settler, repression, deportation.

В последнее время возрос интерес к истории спецпоселенцев. История нашего региона тесно связана с судьбами раскулаченных. Без всестороннего исследования спецпереселенческого процесса на региональном уровне невозможно реконструировать и оценить переселенческую политику всего государства и ее последствия [Лобченко, 2012: 11-12]. В данной статье рассматривается история представителей ингерманландских семей (старожильческого финского населения Ленинградской области, самой крупной финноязычной группы России [Такала, 2010: 25]), высланных в Хибины в результате раскулачивания. Статья основана на интервью, полученных у семи информантов и их семейных архивах. Большинство информантов идентифицируют себя как ингерманландцев, за исключением информанта Айны, которая не знает значения слова «ингерманландцы» и не причисляет себя к ним.

Также в работе использовались документы из ГАМО г. Мурманска и г. Кировска. Для выполнения задач нашего исследования большой интерес представляли мемуары, основанные на личных воспоминаниях. Тема спецпереселенцев, репрессий отражена в работах В.Я. Шашкова, Л.А. Гильди, Н.Ф. Бугая, С.П. Локко, а также в изданиях Хибинского общества «Мемориал». Особую ценность имеет книга «Малые народы в потоке истории» Э.Г. Карху. В ней содержатся сведения о спецпереселенцах-ингерманландцах, а также этнографический материал, свидетельствующий, в частности, об адаптации

ингерманландцев к условиям Кольского Севера. Книга основана прежде всего на собственных воспоминаниях Э.Г. Карху, то есть при общей установке на научность имеет мемуарный характер. Судьбы семей с финской родословной могут быть достаточно подробно прослежены на уровне индивидуальных биографий. Одним из основных в историях жизни является «миграционный сюжет», который включает обстоятельства жизни на территории выезда, причины и тактики переезда, условия жизни и быта на новом месте, последующие судьбы потомков переселенцев [Разумова, 2009: 47]. Второй ключевой момент – это рассказы информантов о репрессиях. Время конца 1920–1940-х гг. (обозначается информантами как «период раскулачивания», «годы репрессий» и «война») выделяется по исключительному влиянию на семейные судьбы. Нет ни одной семьи, в которой основное содержание «семейного предания» (исторического знания) не было бы связано с этим временем, больше всего наполненного событиями [Разумова, 2001: 304].

Массовое заселение Кольского Севера в конце 1920-х гг. активизировалось в результате курса на индустриализацию страны. В связи с этим регион столкнулся с дефицитом собственной рабочей силы. В январе 1928 г. Сталин выдвинул идею форсированного проведения коллективизации. Решение о направлении на спецпоселение принималось местными органами исполнительной власти и по существу представляло собой вид административной репрессии [Вавулинская, 2013: 31]. Символическим годом «великого перелома» официально считается 1929 г., но в отдельных регионах коллективизация продолжалась до 1934 г. По мнению специалистов, репрессии периода коллективизации имели социальный, а не национальный характер. Однако в Финляндии события в Ингерманландии воспринимались именно как целенаправленное притеснение ингерманландцев и нарушение условий Тартуского мира [Мусаев, 2002]. В Ингерманландии колхозы возникли в основном в 1931 г., и летом того же года была осуществлена в несколько очередей принудительная высылка кулаков [Карху, 1999: 165]. В 1930–1931 гг. в Ленинградской области раскулачили и выслали в Хибиногорск, Кандалакшу среди прочих спецпереселенцев 2500 финнов-ингерманландцев [Шашков, 2003: 47]. Среди них были предки наших информантов, высланных из Гатчинского и Куйвозовского районов (Куйвозовский район имел статус финского национального района [Кириянен, 2010: 16]) (рис.1).

Хибины были первым объектом индустриализации на Кольском полуострове, где широко стал использоваться еще в первой пятилетке труд заключенных (УСЛОН) [Киселев, 1989, 1992]. Например, дорогу от разъезда Белый до горы Кукисвумчорр и железную дорогу от Кировска к Гремихе строили заключенные [Тимофеев, 2004: 27; Тарараксин, 2006: 10; Дылев, 1989]. Город Хибиногорск был основан 1 января 1930 г., рудничный поселок Кукисвумчорр – 4 мая 1930 г. [ГАМО в г. Мурманске. Д. 231. Л. 37]. Около 90 % населения прибыло за годы первых трех предвоенных пятилеток [Добров, 1967: 26]. В Кировском и Мончегорском районах было расселено 1448 финских трудпоселенцев [Шашков, 1999]. До 1934 г. отправленные в «кулацкую ссылку» крестьяне назывались спецпереселенцами, в 1934 – марте 1944 гг. – трудпоселенцами, в 1944–1948 гг. для лиц, раскулаченных и высланных в период сплошной коллективизации, употреблялся термин «спецпереселенцы», с 1949 г. – спецпоселенцы [Вавулинская, 2013: 3].

СПРАВКА

о сроках пребывания под надзором с ограничением
прав и свобод

«...» октября 19 92 г.
Гор. Мурманск
Выдана Воробьевой Аине Сулловне в том, что
(фамилия, имя, отчество)
гр-н (ка) Хусу Айна Сулловна
(фамилия, имя, отчество)
находился (лась) в г. Кировске Мурманской области
(какая мера принуждения)
на спецпоселении с родителями
с «...» - 19 32 г. по « 02 » декабря 19 48 г.
Справка составлена по архивным материалам
личного дела арх. № 3670.
Начальник ИЦ УВД администрации
(МВД, УВД)
Мурманской области -
(органа внутренних дел республики)
А.И. Николаевский.
(фамилия, инициалы)
Место гербовой печати

СПРАВКА О РЕАБИЛИТАЦИИ

«...» октября 19 92 г. Гор. Мурманск
Гр. Хусу Айна Сулловна
(фамилия, имя, отчество)
Год и место рождения 1932 г. рождения г. Кировск
Мурманской области
Место жительства до применения репрессии
Когда и каким органом репрессирован находилась на спецпоселе-
нии вместе с родителями, репрессированными в 1930 го-
ду Куивозовским РИКом Ленинградской области.
Основание применения репрессии по политическим мотивам в админи-
стративном порядке постановление СНК и ЦИК СССР от 01.02.30 года
На основании пункта «в» ст. 3 Закона России от 18 октября 1991 года
«О реабилитации жертв политических репрессий» гр-н(ка)
Хусу Айна Сулловна
(фамилия, имя, отчество)
реабилитирован(а).

Начальник УВД
администрации
Мурманской области

В. К. КРАЕВ

Место гербовой печати

Тип. ХОЗО УВД МО IX-92 г. Зак. 1036 — 5000.

Условия проживания первых спецпереселенцев были экстремальными. Перенаселение, недоедание, отсутствие элементарных жилищно-бытовых условий привели к возникновению эпидемий [Куруч, 2012: 55]. Первые случаи заболевания тифом зарегистрированы в сентябре 1930 г. [Тараксин, 2006: 23]. Первая осень и зима 1930–1931 гг. была самая ужасная по смертности. По сведениям очевидцев, замерзло и погибло более половины прибывших спецпереселенцев. Отмечены случаи вымерзания целыми шалманами [Ковалевский, 2012: 36-37]. В эти первые годы умерли дяди информанта Валентины.

Информанты Айна, Надежда и Алла находятся между собой в родственных отношениях, имеют общего предка. Информанты Айна и Надежда приходятся друг другу двоюродными сестрами, а информант Алла – дочь их другой двоюродной сестры (рис.2).

Рис.2. Мать информанта Надежды (крайняя слева в первом ряду) и бабушка информанта Аллы (крайняя справа в первом ряду), 1929 г.

В 1930 г. вся многочисленная семья решением Куйвозовского РИКа была лишена избирательных прав, раскулачена и выслана [СА Аллы] в Хибиногорск:

*Привезли их в «чисто поле». Поставили палатку и жили в ней <...>
Позже жили в бараках, которые строили сами¹ (Инф. Алла)*

¹ ПМА 2010 г.

В 1933 г. деда вновь арестовывают и приговаривают к трем годам лишения свободы условно [Хибинский мартиролог, 2002: 23]. Он не смог пережить всех тягот жизни и умер в 1933 г., не прожив в ссылке и трех лет. Бабушка и дедушка информанта Аллы работали в 1934 г. в рыбпромхозе «Индустрия». В 1938 г. они уехали в Мончегорск к родителям дедушки (дедушка был из ижорской раскулаченной семьи). После смерти в 1939 г. дедушки бабушку с дочкой (мать информанта Аллы) забрал к себе в Старые Апатиты отец информанта Айны [СА Аллы].

Спецпереселенец в Хибиногорске обязан был отдавать из своего заработка 25 % на строительство города и треста «Апатит» (до распоряжения Ягоды от 7 августа 1932 г., уменьшившего эти поборы до 15 %) [Ковалевский, 2012: 48].

Социальный состав спецпереселенцев был неоднороден. Согласно докладу Кировского ГК ВКП(б) за 1934 г. самая многочисленная группа спецпереселенцев состояла из «контрреволюционной части кулачества» [Шашков, 2002: 27], наибольшую активность в контрреволюционной работе проявляли кулацкие элементы из числа финнов и украинцев. На 1 января 1935 г. в Кировске и его окрестностях среди спецпереселенцев были представители 32 национальностей [Берлин, 2008: 29]. Из них финнов – 6,3 % [Шашков, 1993: 58]. По статистическим данным за 1939 г. финское население на территории Мурманской области достигло 4317 человек (1,5 %) [Всесоюзная перепись, 1992: 63].

Согласно Постановлению Президиума ЦИК СССР от 3 июля 1931 г. «О порядке восстановления в гражданских правах выселенных кулаков» спецпереселенцы по истечении пяти лет с момента выселения восстанавливаются во всех гражданских правах [Постановление от 3 июля 1931 года, URL: libussr.ru/doc_ussr/ussr_3743.htm]. У многих этот срок истекал в 1935 г. Однако Кировский район остро нуждался в рабочей силе. В связи с этим Райкомендатурой апатитовых разработок было решено запретить выезд из района поселения трудпоселенцам. Самовольно оставившие место выселения трудпоселенцы привлекались к судебной ответственности [Кировск в документах и фактах, 2006: 185–186].

Позитивным шагом в отношении детей из ссыльных ингерманландских семей можно считать открытие в Хибиногорске семилетней школы с преподаванием полного цикла предметов на финском языке, и для нее нашлись неплохие учителя. Это обстоятельство было вызвано тем, что ингерманландские женщины, а тем более дети, как правило, русского языка не знали [Карху, 1999: 127, 163]. Финская школа была открыта в 1932 г. и просуществовала до 1937 г. [Спецпереселенцы в Хибинах, 1997: 222].

Со второй половины 1930-х гг. начинаются репрессии, направленные против инонационалов (такой термин использовался в то время). Октябрьский пленум обкома ВКП(б) 1935 г. положил начало борьбе с так называемым «финским буржуазным национализмом». Финнов стали исключать из партии, запретили разговаривать на родном языке, начались аресты. Достаточным основанием для подозрения и обвинения была уже сама финская фамилия. Финнам были предъявлены обвинения в шпионаже и антисоветской деятельности, что в тот исторический период особой трудности не представляло, судебных процессов как таковых не было, достаточно было осудить тройке НКВД [Такала, 2007: 49–50]. На Кольском полуострове были «раскрыты»

контрреволюционные организации, например, «Финская контрреволюционная националистическая шпионско-повстанческая организация». Ухудшение советско-финляндских отношений в конце 1930-х гг. привело к полному запрету финского языка [Судьбы финно-угров, 2006: 38]. В это время говорить по-фински в общественных местах просто боялись:

Не очень-то разрешалось. Даже в шестидесятых годах, были здесь бабушки... И одна здороваётся сердито: «Нечего, давай, по-русски говори». Боялись, потому что прохожие идут, услышат. Нельзя (Инф. Ранси).

26 июня 1940 г. вышел Приказ НКВД СССР № 00761 о переселении семей инонационалов из г. Мурманска и Мурманской области в Карелию [Киселев, 2009: 74]. Депортация преследовала цель «очищения приграничной территории от инонационалов как питательной среды для шпионажа и иностранной разведки» [Киселев, 1992: 3]. По организациям рассылались письма с грифом «секретно» с просьбой предоставить списки инонациональных сотрудников, которые по национальному признаку подлежали депортации в Карелию. Первоначально, согласно данным архива г. Кировска, не подлежали выселению члены ВЛКСМ и ВКП(б) [ГАМО в г. Кировске: Д. 47. Л. 48, 61]. Однако впоследствии данное исключение не принималось во внимание.

В Карело-Финскую ССР и Алтайский край выселили 8617 чел. Подлежащим выселению было дано десять дней для реализации имущества [По решению правительства, 2003: 358–359]. Переселенцам разрешено было брать с собой одежду, посуду, постельные принадлежности, мелкий хозяйственный инструмент, деньги, ценности. Общий вес не должен был превышать 1000 кг на семью [Савилова, 2008: 143]. Интернирование происходило в несколько этапов. Финнов выселяли подальше от границы как неблагонадежных [Финские переселенцы в Карелии и на Кольском полуострове, 2003: 527].

В списки подлежащих депортации попали представители семей информантов Айны и Аллы [Книга памяти финнам, 2010: 595]. Из воспоминаний информанта Айны:

Мы жили в Старых Апатитах. Вдруг нам скомандовали заселяться в вагон номер такой-то, был обыкновенный товарняк. Мы ехали несколько суток. И привезли нас в Медгору. Потом выгрузили нас к озеру. Опять команда – погрузились на бот. И всего-то отвезли до Тельпозеро. Деревня Шуньга. В Карелии я пошла в первый класс (Инф. Айна).

Избежали выселения финские женщины, которые вышли замуж за русских, например, мать информанта Надежды (рис.3):

Мама вышла замуж, так прикрылась русской фамилией (Инф. Надежда).

Отец информанта Ранси в 1938 г. был осужден по статье 58-6 (шпионаж), 58-10, 58-11 (контрреволюционные преступления) [Уголовный кодекс, 1933: 21-25] и расстрелян [Книга памяти, 1997: 137; Хибинский мартиролог, 2002: 9]. В 1940 г. вся семья (мать с тремя детьми и незамужние сестры отца) по национальному признаку была выслана в КФССР [СА].

Рис.3. Родители информанта Надежды, 1936 г.

Семья информанта Нэнэл летом 1940 г. также была выслана по национальному признаку отца из Мурманской области в Карелию [ГАМО в г. Кировске. Д. 61. Л. 25; Книга памяти, 2010: 633] (рис.4).

Информант Татьяна была уверена, что ее дед во время войны находился на территории Мурманской области. Однако, как удалось выяснить в ходе исследования, вся семья деда, согласно архивным документам, была выслана в КФССР по этническому признаку [ГАМО в г. Кировске. Д. 50. Л. 84].

КОМИТЕТ ПО РАЗВИТИЮ
ИНФОРМАЦИОННЫХ ТЕХНОЛОГИЙ
МУРМАНСКОЙ ОБЛАСТИ

Бусыревой Е.В.
ул. Козлова, д. 9, кв. 5,
г. Апатиты,
Мурманская обл.

ГОСУДАРСТВЕННОЕ
ОБЛАСТНОЕ УЧРЕЖДЕНИЕ
"ГОСУДАРСТВЕННЫЙ АРХИВ
МУРМАНСКОЙ ОБЛАСТИ
В Г. КИРОВСКЕ"
(ГОУ ГАМО в г. Кировске)

Мира ул., 10, Кировск,
Мурманская область, 184250
тел. (881531) 9-48-66, факс (881531) 9-48-66
E-mail: gamo_zapros@rambler.ru
ОГРН – 1075103000257
ИНН/КПП 5103010433/510301001
от 25.08.2011 № 4-1515
на № _____ от _____

АРХИВНАЯ СПРАВКА

В документах архивного фонда Кировского районного Совета депутатов трудящихся и его исполнительного комитета Мурманской области за 1940 г. в повагонных списках, переселенных в Карело-Финскую АССР и Алтайский край, по Апатитскому поссовету в списке переселяемых в Карело-Финскую ССР, вагон № 474-453, значится семья ЯММИНЕН* Ивана Ивановича в следующем составе: ЯММИНЕН Иван Иванович, глава, 1916 г.р*, финн, тракторист; ЛОЦМАНОВА Мария Яковлевна, 1916 г.р*, жена, русская, доярка; ЯППИНЕН Александр Иванович, 1939 г.р*, сын, финн, иждивенец.

В документах архивных фондов Кировского горисполкома, Куисвумчорского, Зашейковского, Мончегорского, Нивского поселковых Советов депутатов трудящихся, артели "Заполяный артельщик", Кировского РСУ, конторы благоустройства отдела коммунального хозяйства Кировского горисполкома, Кировского горбыткомбината, Имандровской рыбообрабатывающей базы, Кандалакшского леспромхоза, управления строительства "Нивагэсстрой" Мурманской области других сведений о выселении семьи ЯППИНЕН И.И. не имеется.

Основание: ф.Р-71, оп. 2, д. 61, л. 25.

Директор

М.Д. Петрова

Ведущий специалист

Т.В. Пивоварова

* Так в документе

Рис.4. Справка из ГАМО г. Кировска

В 1941-942 гг. в связи с военными действиями на территории КФССР финские семьи были эвакуированы подальше от границы в тыловые области СССР, преимущественно в Архангельскую область и в Коми АССР. Раскол населения по этническому основанию крайне болезненно воспринимался «инонационалами». Эмфатические интонации высказываний у многих информантов свидетельствуют, что само это понятие воспринималось как унижающее. Особая, остро обозначенная тема воспоминаний – эвакуация в Архангельскую область. Она связана с приобретением травматического опыта военного времени. Рассказы об эвакуации отличаются высокой степенью детализации и повышенной эмоциональностью:

Вскоре началась Отечественная война. И нас опять выгоняют эвакуироваться. Погрузили нас на баржу и плыли мы, плыли. Очень долго мы плыли. Какой-то буксирчик нас тащил. И приплыли мы в Архангельск. Когда в Архангельске вышли, было темно. И вот так стояли штабелями высоко от земли, я не знала, что это было, и спросила у папы: «Что это такое?» Он говорит: «Это там умершие» <гробы штабелями – Е.Б.>. А когда мы плыли, эта баржа была настолько глубокая, по-моему, два яруса людей. И в самом низу были самые немоющие. Там умирали эти люди за ночь, потому что никто никому не помогал. Чтобы что-то нам давали, я не помню. У кого что было, то и ели. У нас была картошка. А внутреннюю часть баржи как-то подтапливали для тепла. Мы эту картошку разрезали и на эту железку. И она пеклась. Как только темнота начиналась, нас загоняли в трюм (Инф. Айна).

Несмотря на то что разрыв во времени между описываемыми событиями и интервью составляет 70 лет, информант отчетливо помнит тот период. Память сохраняет мельчайшие детали детских впечатлений: и долгую тяжелую дорогу (которую не все смогли вынести), и вшей, и как сбрасывали трупы в воду по ночам, и ломтики запекшейся картошки на трубах баржи, и гробы штабелями на берегу.

Далее информант подробно рассказывает о тяжелой жизни во время эвакуации в Архангельской области. По воспоминаниям всех информантов, более всего запомнился страшный голод среди спецпоселенцев. О том, какой голод был во время войны в Архангельской области, говорит трагический случай, рассказанный свидетелем: «Неизвестная бабка забрала обманным путем чужого ребенка из садика и съела, а еще раньше съела шестипудового сторожа. Каннибалистку посадили в тюрьму и расстреляли» [Тимофеев, 2004: 68]. Умирали семьями. Семья информантов Айны и Аллы похоронила там шесть человек. В данной ситуации семья использовала все возможности для выживания. Подобные исследования по адаптации сельского населения Сибири в годы Великой Отечественной войны проводились Т.К. Щегловой: «Занимались собирательством грибов, ягод, дикоросов. В еду шло всё, что росло, летало и бегало» [Щеглова, 2015: 326]. У информанта Ранси в Архангельской области (в Котласе) умерли от голода мать и старший брат (18 лет). После смерти матери в 1942 г. информант и ее старшая сестра жили с тетками. Старшая сестра потом оказалась в Карелии в поселке Летняя речка с одной из тетюшек. Обе были больны туберкулезом. Сестру послали в санаторий под Петрозаводск:

Оттуда она уже не вернулась, ей было 22 года (Инф. Ранси).

Таким образом, после войны из семьи остались живы только информант Ранси и старшая тетя:

Тётка как спецпоселенец была на «птичьих правах», документов у неё полностью не было, жить было негде. Поэтому я попала в детский дом в Мончегорске в 1948 г. (Инф. Ранси).

Помимо вышеперечисленных была еще одна проблема: детей спецпереселенцев запрещалось усыновлять [Лобченко, 2012: 18]. В эвакуации в Архангельской области и Коми от голода умерло 75 % спецпереселенцев [Локко, 1993: 383, 399].

Что касается семьи информанта Нэнэл, то когда отца отправили в 1942 г. из Карелии в Челябинский лагерь на основании этнической принадлежности (в дополнение к Постановлению РККА № 1526 было принято Постановление ГКО № 2409 сс от 14 октября 1942 г. «мобилизовать в рабочие колонны НКВД граждан национальностей, воюющих с СССР стран (мужчин, годных к труду, в возрасте от 17 до 50 лет» [По решению правительства, 2003: 360]), мать (русскую, она и фамилию оставила девичью) не тронули. Мать вместе с сыном уехала на родину в Вологодскую область, где и родилась информант. На основании статьи 30 Закона о воинской обязанности спецпереселенцы не подлежали призыву на службу в армию [Лобченко, 2012: 18]. Однако в годы войны трудпоселенцы, подавшие заявление о желании служить в Красной Армии, могли направляться в распоряжение военкомата и только при условии отсутствия на них компрометирующих материалов. При этом на основании приказа НКВД СССР № 002303 от 22 октября 1942 г. члены семей (жены и дети) трудпоселенцев, призванных в Красную Армию, подлежали снятию с учета спецпоселения. Но уже 26 февраля 1944 г. появилась директива НКВД СССР и Главупрформа Красной Армии о том, что спецпоселенцы в Красную Армию не призываются и на военном учете состоять не должны [Вавулинская, 2013: 91]. Поэтому в годы войны служили в армии те, кто не относился к трудпоселенцам.

Следует отметить, что у многих людей своя точка зрения на те или иные события в отечественной истории, и отношение к ним носит зачастую эмоциональную окраску, основанную на личном восприятии и опыте. Как отмечают исследователи устной истории, эмоциональные воспоминания становятся данью пережитым страданиям [Фриш, 2003: 64]. Информанты по-разному ведут повествование в зависимости от возраста: чем старше, тем эмоциональнее рассказ. Информант Айна, которой к началу Великой Отечественной войны было девять лет, говорит саркастически: *«Мы – фашисты!»*. Ненавидит Ленина, Сталина и всех коммунистов:

Реабилитировали папу, я буду плохо выражаться, тогда, когда сдох Сталин (Инф. Айна).

Ее двоюродная сестра Надежда родилась после войны, отец – русский, поэтому она не испытала столько горя в детстве, как ее старшая кузина. У их племянницы, информанта Аллы, в отличие от информанта Айны, нет озлобленности на Ленина, Сталина и на советскую власть.

Среди подвергшихся раскулачиванию ингерманландцев были семьи, которые по принятым тогда нормам (наличие крупного хозяйства и, в первую очередь, использование наемного труда) считались кулаками. К таким, например, относится семья отца информанта Нэнэл, дед информанта Аллы:

Из действительно кулацкой семьи (Инф. Алла).

Как видим, информант Алла согласна с тем, что дед был из кулацкой семьи, в отличие от семьи бабушки, которая тоже была раскулачена. Информант Нэнэл не отрицает, что семья отца была зажиточной: маслобойня, четыре наемных работника, коровы, овцы. В ее рассказе скорее чувствуется обида на власть из-за отобранного, порушенного богатства.

После эвакуации семьи информантов Айны и Аллы вернулись в Старые Апатиты, а информант Ранси и ее тетя оказались в Мончегорске.

В начале 1970-х гг. приехала в Апатиты информант Валентина, хотя мама ее отговаривала, потому что здесь умерли еще совсем молодыми ее братья.

Сейчас информант Валентина считает Апатиты «своим» местом, так как здесь прожила большую часть своей жизни.

Информант Нэнэл вместе с матерью и старшим братом в 1946 г. переехала к отцу в Челябинск. В 1970-х гг. попала в Апатиты по распределению после окончания учебного заведения.

Информант Татьяна оказалась в Кировске в 2004 г. в поисках работы, так как в Лоухах, где она работала в спортивной школе, попала под сокращение. В дальнейшем информант планирует вместе семьей переехать на постоянное место жительства в Финляндию. В связи с этим она дала свою финскую фамилию дочери, и русский муж также собирается взять финскую фамилию жены. У информанта Надежды переехали жить в Финляндию сестры и мама (уже умерла). Данные примеры показывают, что для наших информантов родовая причастность к финской культуре становится не только фактом социальной памяти, элементом «наследия», но и служит инструментом социальной мобильности, обоснованием эмиграционных установок [Бусырева, 2012: 118]. Как известно, с 1990-х гг. наблюдается эмиграция ингерманландских семей в Финляндию после выступления президента Мауно Койвисто, предложившего в апреле 1990 г. распространить право репатриации на ингерманландских финнов [Хамалайнен, URL: kolumbus.fi/edvard.hamalainen/docs/pesn.htm]. В результате в 2006 г. на территории всей России оставалось 34000 ингерманландцев [Гильди, 2006: 232]. Однако в данных переписи за 2002 г. содержатся несколько иные сведения: 34050 – общее количество финнов в России, а ингерманландцев – 314 [Национальный состав, 2004: 24], из них в Мурманской области в 2002 г. проживало 426 финнов, 3 определили себя как ингерманландцев [Национальный состав, 2004: 53], а в 2010 г. в Мурманской области проживало 273 финна [Национальный состав Мурманской области, URL: <http://murmanskstat.livejournal.com/14002.html>].

Как видно из представленной информации, наибольшее количество финнов, проживающих на территории современной Мурманской области, было достигнуто в 1939 г. за счет спецпереселенцев – раскулаченных ингерманландцев. В дальнейшем финское население области сокращалось в результате политики государства, направленной против «инонационалов», так как Финляндия была союзницей фашистской Германии и выступала против СССР. В послевоенный период количество финнов уменьшалось постепенно, в основном из-за преобладания межэтнических браков. Начиная с девяностых годов финское население области стало сокращаться еще и за счет эмиграции в Финляндию.

В целом же, проанализировав исторические судьбы ингерманландских семей и сравнив их с судьбами финских колонистов Мурманска, можно сделать вывод, что государственная политика в отношении ингерманландцев была более «мягкой», поскольку они воспринимались как «наши советские» граждане. Напротив, к финским колонистам Мурманска, к американским финнам относились враждебно, тем более что многие из них родились в Финляндии и имели родственников за рубежом. Ингерманландцев (за редким исключением) не обвиняли поголовно, как колонистов, в контрреволюционной националистической шпионско-повстанческой деятельности. Процесс раскулачивания затронул практически все регионы (а не только ингерманландцев) и имел социальный, а не национальный характер. В целях

восстановления исторической справедливости в отношении репрессированных ингерманландцев было принято Постановление «О реабилитации российских финнов» от 29 июня 1993 г., которое признавало противоправными все акты, принятые в 1930–1940-е гг. в отношении российских финнов и послужившие основанием для политических репрессий против них: насильственного выселения из мест традиционного проживания на российской территории, установления режима спецпоселения, привлечения к принудительному труду в условиях ограничения свободы.

Список сокращений

ВЛКСМ – Всесоюзный ленинский коммунистический союз молодёжи
ВКП(б) – Всесоюзная Коммунистическая партия (большевиков)
ГАМО – Государственный архив Мурманской области
ГКО – Государственный Комитет Обороны
КФССР – Карело-Финская Советская Социалистическая Республика
НКВД – Народный комиссариат внутренних дел
НКП АКССР – Народный комиссариат просвещения Автономной Карельской Советской Социалистической Республики
ПМА – полевые материалы автора
РККА – Рабоче-Крестьянская Красная Армия
СА – семейный архив
ЦИК СССР – Центральный исполнительный комитет Союза Советских Социалистических Республик

Список информантов²

Информанты из моноэтнических семей:

Айна, 1932, г. Апатиты (род из Куйвозовского р-на);
Ранси, 1936, г. Мончегорск (род из Куйвозовского р-на);
Валентина, 1946, г. Апатиты (род из Гатчинского р-на).

Информанты из полиэтнических семей:

Нэнэл, 1943, г. Апатиты (род из Гатчинского р-на): отец – финн; мать – русская;
Надежда, 1947, г. Апатиты (род из Куйвозовского р-на), отец – русский, мать – финка;
Алла, 1958, г. Апатиты (род из Куйвозовского р-на), отец – русский; мать: отец – ижора, мать – финка;
Татьяна, 1981, г. Кировск (род из Гатчинского р-на), отец: отец – финн, мать – русская; мать: отец – карел, мать – русская.

Источники

Семейные архивы

СА – Семейные архивы Айны (Апатиты), Ранси (Мончегорск), Нэнэл (Апатиты), Валентины (Апатиты), Аллы (Апатиты).

² Имя, год рождения, место проживания

Архивные документы

Государственный архив Мурманской области в г. Мурманске. Ф. Р162. Мурманский окружной Совет рабочих, крестьянских, красноармейских и рыбацких депутатов и его исполнительный комитет Мурманского округа Ленинградской области, г. Мурманск, 1 августа 1927 г. 28 мая 1938 г. Оп. 1. Д. 231. Л. 37; Д. 372. Л. 15.

Государственный архив Мурманской области в г. Кировске. Ф. 71. Кировский районный Совет депутатов трудящихся. Оп. 2. Д. 50. Л. 84; Д. 61. Л. 25.

Периодическая печать

Дылев И. Лагеря в глухой тундре // Полярная правда. 1989. 2 ноября (№ 250). С. 3.

Киселев А.А. Заключенные на Севере // Полярная правда. 1989. 21-22 января (№ 17,18). С. 3.

Киселев А.А. Гулаг на Мурмане. История тюрем, лагерей, колоний // Советский Мурман. 1992. 6-30 октября (№ 194-212). С. 3.

Хибинский мартиролог // Котлован: Хибинское общество «Мемориал», 2002. № 1 (11).

Список литературы

Берлин В. Хибинское эхо ГУЛАГа // Культурологический альманах АСТЭС. Вып. 5. Мурманск: АСТЭС, 2008. С. 7-77.

Бусырева Е.В. Культурная политика семьи и динамика этничности на примере кольских семей с финскими корнями // Феномен социализации в этнической культуре. Материалы одиннадцатых Санкт-Петербургских этнографических чтений. СПб.: ИПЦ СПбГУТД, 2012. С. 113–118.

Вавулинская Л.И. Спецпереселенцы и иностранные военнопленные в Карелии в середине 1940-х – середине 1950-х гг. Петрозаводск: Карельский научный центр РАН, 2013. 337 с.

Всесоюзная перепись населения 1939 года: Основные итоги / Под ред. Ю.А. Полякова. М.: Наука, 1992. 256 с.

Гильди Л.А. Народ изгой в России. СПб.: [б.и.], 2006. 293 с.

Добров В.В. Население Кольского Севера. Мурманск: Мурманское кн. изд-во, 1967. 72 с.

Карху Э.Г. Малые народы в потоке истории. Исследования и воспоминания. Петрозаводск: изд-во ПетрГУ, 1999. 255 с.

Кировск в документах и фактах. 1920–1945. Хрестоматия. Кировск: ГАМО в г. Кировске, 2006. 265 с.

Кирьянен А.И. Ингерманландские финны и финский язык в Петербурге и Ленинградской области – современное положение // Российские финны: вчера, сегодня, завтра. Сборник статей, посвященный 20-летию Ингерманландского союза финнов Карелии / Науч. ред. Е.И. Клементьев. Петрозаводск: Карельский научный центр РАН, 2010. С. 14-24.

Киселев А.А. Очерки этнической истории Кольского Севера. Мурманск: МГПУ, 2009. 145 с.

Книга памяти: Рос. Федерация, Мурман. обл. Поименный список репрессированных жителей Кольского полуострова, а также иностранных граждан, проживавших в Мурманской обл. / Сост. С.Н. Дашинский, В.В. Воронин, В.А. Нечушкин. Мурманск: Север, 1997. 410 с.

Книга памяти финнам, репрессированным за национальную принадлежность в СССР. Т. 1 / Сост. Л.А. Гильди, М.М. Браудзе. СПб.: ООО «Гиоль», 2010. 655 с.

Ковалевский В.К. Цена Хибинского края // Хибинский край. Память сердца. Апатиты: ООО «Апатит-Медиа», 2012. С. 20-51.

Куруч О.Е. Быт и повседневная жизнь первых строителей г. Хибинского края // Хибинский край. Память сердца. Апатиты: ООО «Апатит-Медиа», 2012. С. 52-59.

Лобченко Л.Н. Север ГУЛАГовский. Из истории спецпереселенцев северного края // Хибинский край. Память сердца. Апатиты: ООО «Апатит-Медиа», 2012. С. 11-19.

Локко С.П. Финны на Мурмане. Мурманск: Фонд культуры, 1993. 409 с.

Мусаев В.И. Ингерманландский вопрос во взаимоотношениях и внутренней политике России и Финляндии (к. XIX – н. XX в.в.): автореферат дис. ...доктора ист.наук. СПб.: Институт истории РАН, 2002.

Национальный состав и владение языками, гражданство // Итоги Всероссийской переписи населения 2002 г.: В 14 т. Т. 4. Кн. 1. М.: ИИЦ «Статистика России», 2004. 946 с.

Национальный состав Мурманской области по данным переписи // Мурманскстат. URL: <http://murmanskstat.livejournal.com/14002.html>.

«По решению правительства Союза ССР...» / Сост. Н.Ф. Бугай, А.М. Гонов. Нальчик: Издательский центр «Эль-Фа», 2003. 927 с.

Постановление от 3 июля 1931 года «О порядке восстановления в гражданских правах выселенных кулаков // Библиотека нормативно-правовых актов СССР. URL: libussr.ru/doc_ussr/ussr_3743.htm.

Разумова И.А. Потаенное знание современной русской семьи. Быт. Фольклор. История. М.: Индрик, 2001. 376 с. (Традиционная духовная культура славян / Современные исследования).

Разумова И.А. Этнокультурные аспекты функционирования семьи на Кольском Севере (по историко-этнографическим материалам) // Кольский Север в XX–XXI вв.: культура, наука, история. Апатиты: Изд-во КНЦ РАН, 2009. С. 37-50.

Савилова С. «Хотелось бы всех поименно назвать» // Культурологический альманах АСТЭС. Вып. 5. Мурманск: АСТЭС, 2008. С. 130-149.

Спецпереселенцы в Хибинах (книга воспоминаний). Апатиты: Изд-во Хибинского общества «Мемориал», 1997. 222 с.

Судьбы финно-угров и политика. Экспертная записка ИЭА РАН на запрос Комитета по международным делам Госдумы РФ // Этнографическое обозрение. 2006. № 1. С. 4-38.

Такала И.Р. Североамериканские финны в довоенной Карелии // Устная история в Карелии. Сборник научных статей. Вып. 2. Северо-американские финны в Советской Карелии 30-х годов. Петрозаводск: Изд-во ПетрГУ, 2007. 192 с.

Такала И.Р. Финский язык в Карелии: история и судьба // Российские финны: вчера, сегодня, завтра. Сборник статей, посвященный 20-летию Ингерманландского союза финнов Карелии. Петрозаводск: Карельский научный центр РАН, 2010. С. 24-41.

Тарараксин С. Судеб сторовших очертанье. Мурманск: ОАО «Север», 2006. 147 с.

Тимофеев В.Г. История одной семьи. Апатиты: ООО «Апатит-Медиа», 2004. 170 с.

Уголовный кодекс РСФСР. М.: Государственное издательство советское законодательство, 1933. 159 с.

Финские переселенцы в Карелии и на Кольском полуострове // Прибалтийско-финские народы России. М.: Наука, 2003. С. 522–554.

Фриш М. Устная история и книга Стадса Теркеля «Тяжелые времена». Хрестоматия по устной истории / Пер., сост., введение, общ. ред. М.В. Лоскутовой. СПб.: Изд-во Европ. ун-та, 2003. С. 52–65.

Шашков В.Я. Спецпереселенцы на Мурмане. Мурманск: Изд-во МГПИ, 1993. 139 с.

Шашков В.Я. Спецпереселенцы / Мурман, Хибинь до и после... Апатиты: Хибинское общество «Мемориал», 2002. С. 26–29.

Шашков В.Я. Репрессии против финнов и других спецпереселенцев // Наука и бизнес на Мурмане. 2003. № 3 (История и право). С. 46–53.

Щеглова Т. К. Культура жизнеобеспечения сельского населения Сибири в устной истории в экстремальных условиях XX столетия: адаптационные практики культуры на примере Великой Отечественной войны: из опыта работы // Материалы XI Конгресса антропологов и этнологов России / Отв. ред. В.А. Тишков, А.В. Головин. Москва; Екатеринбург: ИЭА РАН, ИИиА УрО РАН, 2015. С. 326.

Хамалайнен Э. Исполнение прощальной песни откладывается. URL: kolumbus.fi/edvard.hamalainen/docs/pesn.htm.

Сведения об авторе

Бусырева Елена Владиславовна,

младший научный сотрудник Центра гуманитарных проблем Баренц-региона КНЦ РАН

Busyreva Elena,

Junior Research Fellow of Barents Centre of Humanities of the Kola Science Centre

УДК 316.343.6

Н.Н. Измоденова

ПРИСЛУГА. ПРИЗРАК НОВОГО СРЕДНЕВЕКОВЬЯ ИЛИ ПОСТИНДУСТРИАЛЬНОГО МИРА?

Аннотация

В статье рассматриваются вопросы изменения социальной структуры современного Российского общества, появление новых и воспроизводство старых (доиндустриальных) социальных групп, изменение социальных отношений между людьми.

Ключевые слова:

социальная стратификация, домашняя работница, прислуга, статусы, роли, демонстрация социального неравенства.